

Рое Ветер - 1994. - 10 ноября - с. 6

Андрей ВЕЙМАРН

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

КОГДА Я БЫЛ ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ

С тех пор как, расселив полуподвальную коммуналку, помещения отдали под мастерскую скульптору Виктору Дуднику, разрухи здесь не поубавилось. Буквально все загромодили головы, торсы, куски непонятно каких деталей человеческого тела. Окна забиты дощатыми щитами. Пространство освещают вкрявь и вкось приколоченные к потолку лампы дневного света.

Спит, ест и все остальное Дудник тоже здесь, среди развала. Питается хлебом и чаем без сахара. Если бы время от времени друзья не приглашали его поевть супцу, давно забыл бы, каков он на вкус.

Раньше Виктор участвовал в городских, республиканских и всесоюзных выставках, покупался и продавался. Лепил Ильичей. Может быть, сегодняшняя забытость - расплата за это?

- Скорее, отражение деградации общественной культуры, - протестует Дудник. - Нисколько не стыжусь своей Ленинианы, скульптор выполняет заказы, которые ему дают. Хотя от меня, кроме сходства, ничего не требовалось, каждый раз в позу, пластику и выражение лица очередного идола я вносил какой-нибудь нюанс. Отхожий от искусства промысел давал возможность создавать портреты русских литераторов. Например, памятник Пушкину.

Работая, я, как актер, вхожу в образ человека, которого вяю. Пушкин, которым я стал на это время, был тридцатилетний, битый жизнью человек, имевший не только почитателей, но и влиятельных врагов. Хотелось показать поэта в момент духовного кризиса, размышляющего о кознях недоброжелателей: полный энергии и замыслов человек после очередного удара судьбы стоит, отклонившись назад, далеко запрокинув голову. Глаза закрыты. Плечи

подняты. Поэт замкнулся в себе, как раковина.

Это был почетный заказ, но очень уж академичный. Работу, абсолютно созвучную мироощущению, мне посчастливилось получить, когда создавался музей Василия Ерошенко. Незрячий от рождения, этот человек стал прототипом «Слепого музыканта» Короленко. Много лет прожил в Японии, составил первый русско-японский словарь. Потом перебрался в Китай, дружил с Лу Синем, переводил стихи. Вернулся на Родину и, не востребованный новой властью, прожил в абсолютном забвении до 1954 года. Мне поручили сделать бюст русского Гомера и его групповой портрет с писателем Лу Синем. Обе работы храню в мастерской как дорогие реликвии. В трудную минуту всматриваюсь в черты великого слепца, ищу в них поддержку и опору.

Иначе рождался другой мой любимец-бюст Рахманинова. Как одержимый, я слушал пластинки, читал воспоминания, критические статьи, перепробовал несколько вариантов. Когда эскиз наконец утвердили, мастерская превратилась в проходной двор - приходили именитые музыканты, педагоги, композиторы, работу хвалили, не скупясь на эпитеты. Спустя некоторое время, разбив отливку, я все переделал заново. В итоге получился вариант, который сейчас стоит перед входом в Рахманиновский зал консерватории.

У этой работы был скрытый соавтор - заслуженный художник Литвы Анатолий Стежко. Я практикую такую шуточку - подвожу гостей к неоконченной скульптуре и говорю: «Лепи, как захочешь!» На другой день я все восстанавливаю, как было. Стежко, получив предложение, уединился с полуготовым бюстом, ходил вокруг

него, размышлял, а потом внес такие нюансы, что работа стала смотреться по-новому, более выигрышно...

...С распадом СССР, когда спрос на Ильичей сошел на нет, Дудник, оставшись без заказов, может быть, впервые в жизни получил возможность делать то, что хотел. Стеллажи в мастерской проседают под тяжестью созданных им за это время пластилиновых проработок.

- Ничего другого не остается, - поясняет Виктор, - раньше мог бесплатно делать небольшие отливки из бронзы, на худой конец из гипса. Теперь это удовольствие мне не по карману.

- Вы размышляете в пластилине?

- Нет, это уже второй этап. Вначале делаю карандашный набросок или акварель. Даже если леглю по фотографии, предварительно делаю рисунки. Скульптура в конечном счете - шарж. Характерные черты модели нужно подчеркнуть, случайные - свести на нет. Рисуя, обдумываю, что и как ваять... Когда, войдя в образ, я был Петром Великим, - улыбается Виктор, - чувствовал себя пиратом.

Император. Худенький, девятнадцатилетний мальчик. В руке - топор, другая опирается на лежащий между ботфортов руль - то ли государства, то ли корабля. Рубашка, облаком охватившая торс, - на спине пузырем, на груди вздувается складками. Воротник в стиле апаш.

- Таких ведь в то время не носили! - удивляюсь я.

- Нарядить его в костюм, отвечающий эпохе, дело нехитрое. Важнее, чтобы одежда соответствовала образу. Кафтан из толстого сукна снивелировал бы яркий, самобытный характер, превратил Петра в щеголеватого боярского сына. Художник имеет право на подо-

Фото Виктора Камеко.

бные вольности. Согласовать скульптуру с пространством мне помогают объемные ленты, арки и петли.

...Рассматриваю последнюю работу: массивные фигуры, напоминающие кирпичи, застыли в объятиях на краю пьедестала. Разъединившись, не удержатся и рухнут.

- Братание, объединение, - поясняет Виктор. Такой монумент можно установить в Чечне, в Грузии, в Германии. И в Москве, - мечтательно добавляет скульптор.

...Вчера - Ильич, сегодня - Чечня. Дудник - человек политизированный. И все же через пласти конъюнктуры порою пробивается в его работах истинный талант. Как росток через асфальт.

На снимке: скульптор Виктор Дудник.